УДК 821.112.2
ББК 80 + 83.3(4Гем)53

«МОИ СНЫ» ГЕОРГА ГЕЙМА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

© 2019 г. К.В. Матросов, А.В. Чёрный
*Общество Георга Гейма,
Санкт-Петербург, Россия*
Дата поступления статьи: 27 июня 2018 г.
Дата публикации: 25 марта 2019 г.
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-348-369

Аннотация: Дневниковые записи немецкого поэта-экспрессиониста Георга Гейма (1887–1912), в которых он описывает свои сновидения, демонстрируют его интерес к пограничным психическим состояниям, а также дают возможность проникнуть в творческую мастерскую поэта. В «Моих снах» Г. Гейм регистрирует различные проявления своего воображения: увлечение историей античности и французской революции, мрачные сцены насилия, а также личные переживания. Перевод выполнил К.В. Матросов. Во вступительной статье А.В. Чёрного прослежена текстологическая судьба этих записок, их отражение в мемуарной и исследовательской литературе на немецком языке, посмертная судьба рукописей Гейма. Сопроводительные примечания дают краткие справки об упоминаемых персоналиях и обстоятельствах жизни поэта.

Ключевые слова: Георг Гейм, немецкая литература XX в., экспрессионизм, художественный перевод, дневники.

Информация об авторах:

Константин Викторович Матросов — филолог и переводчик, Общество Георга Гейма, www.georgheym.org.

E-mail: knsmatrsv@rambler.ru

Антон Владимирович Чёрный — филолог и переводчик, Общество Георга Гейма, www.georgheym.org.

E-mail: chornyanton@gmail.com

Для цитирования: Матросов К.В., Чёрный А.В. «Мои сны» Георга Гейма как литературный источник // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 348–369.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-348-369

MY DREAMS BY GEORG HEYM AS A LITERARY SOURCE

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. K.V. Matrosov, A.V. Chorny
*Georg Heym Society,
St. Petersburg, Russia*
Received: June 27, 2018
Date of publication: March 25, 2019

Abstract: Diary records by German expressionist poet Georg Heym (1887–1912) where he describes his dreams and night fantasies demonstrate his deep interest in borderline psychic conditions and give us a unique opportunity to get inside poet's creative workshop. In *My Dreams* Georg Heym records various manifestations of his imagination: his passion for antiquity and revolutionary France history, macabre scenes of violence, and disturbances of his personal life. The Russian translation is done by Konstantin Matrosov. Introduction by Anton Chorny is an attempt to track the history of the manuscript and its traces in memoirs and scholarly papers. Commentaries give brief information on personal names and circumstances mentioned by the author.

Keywords: Georg Heym, German Literature of the 20th century, expressionism, literary translations, journals.

Information about the authors:

Konstantin V. Matrosov, philologist and translator, Georg Heym Society, www.georgheymsociety.org.

E-mail: knsmatrsv@rambler.ru

Anton V. Chorny, philologist and translator, Georg Heym Society, www.georgheymsociety.org.

E-mail: chornyanton@gmail.com

For citation: Matrosov K.V., Chorny A.V. *My Dreams* by Georg Heym as a Literary Source.

Studia Litterarum, 2019, vol. 4, no 1, pp. 348–369. (In Russ.)

DOI: [10.22455/2500-4247-2019-4-1-348-369](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-348-369)

Выдающийся немецкий лирик Георг Гейм (1887–1912) не очень известен русскому читателю в своей прозаической ипостаси. Меж тем его новеллы, драмы и в особенности дневниковые записи [14, т. 3] давно введены в научный оборот немецкого литературоведения как своеобразное развернутое авторское примечание к корпусу его поэтических текстов. В художественном смысле проза и драматургия Гейма, хотя и превышала лирику по объему, все же не имела того влияния на современников и потомков, какое общепризнано за его стихами. Много в ней осталось незаконченным, стиль и форма не успели в полной мере сформироваться, хотя нарративные приемы и шокирующая образность его новелл могут многое прояснить и дополнить в лирической эволюции автора. В этом смысле личные бумаги, изначально не рассчитанные на законченность и публикацию, позволяющие взглянуть на автора в процессе беспорядочного самоанализа и внутреннего развития, обладают даже большей ценностью, чем новеллы и наброски.

Публикуемые записи снов относятся к 1907–1911 гг., периоду учебы Гейма в Нойруппине (Бранденбург), Вюрцбурге (Бавария) и Берлине. Всего в записных книжках до нас дошло тридцать записей разного объема: шесть за 1907 г., семь за 1908 г., пять за 1909 г., восемь за 1910 г. (переломный год в творчестве Гейма, начало его наиболее плодотворного периода) и четыре за 1911 г. Автор не отличался постоянством в ведении этих заметок, делая порой большие перерывы. Например, записи 1911 г. были возобновлены после годичной паузы.

Его интерес к сновидческой реальности и ее соотношению с явью во многом был характерен для времени декаданса. На юридическом факультете Гейму доводилось посещать курсы психиатрии, и в целом мир искривлен-

ного сознания всегда вызывал его живейший интерес, о чем можно судить по обширной галерее всевозможных безумцев и лунатиков в его стихах и прозе. Эрвин Лёвенсон вспоминал, что во время первого появления Гейма в берлинском «Новом клубе» один из посетителей рассказал поэту о книге Фрейда, «которая позволяет точно растолковывать сны», и тот воспринял эту новость с восторгом [15, с. 11], однако более достоверных следов его знакомства с трудами психоаналитиков не обнаруживается.

Как показывают дневники, Гейм использовал собственный метод самоанализа, прибегая к тщательной регистрации эмоциональных перемен и даже составлению графиков, демонстрирующих душевные спады и подъемы [14, т. 3, с. 141, 172]. «Не знаю, что за болезнь во мне сидит. Где средство, что лечит все недуги. Где волшебная трава. Я исцелю себя, только если сперва познаю сам себя», — писал он в июле 1909 г. [14, т. 3, с. 128]. Филолог Карл Людвиг Шнайдер связывал эту сентенцию с тревожной атмосферой предвоенной эпохи [12, с. 582], однако по времени она совпадает с учащением записей в сновидческом дневнике. Об этой же «болезни», уже от лица поколения, Гейм писал два года спустя в своем эссе-манифесте «Гримаса», указывая единственный путь избавления от «безграничной скуки»: «Наша болезнь. Быть может, её можно чем-то исцелить: Любовью. Но, в конце концов, пора осознать, что и для Любви мы уже слишком больны» [14, т. 2, с. 174].

Одна из дневниковых записей, оставленная им 20 декабря 1910 г. на клочке бумаги с заглавием «Обзор одного зимнего дня» и содержащая перечисление различных жизненных невзгод [14, т. 3, с. 154] завершалась распространенным в тогдашней психиатрии диагнозом и стала предметом многочисленных интерпретаций. «По его мнению, скука и подавление полового влечения приводили к истерии», — предполагает Урсула Малендорф [16, с. 70]. Свои записи Гейм, кажется, воспринимал, в том числе, и как некий эксперимент по стимулированию пограничных сновидческих состояний, родственных творческому вдохновению. В «Моих снах» мы можем наблюдать то, что Александр Небриг, говоря об основных особенностях поэтики Гейма, описывал как «визуализацию вечности через символы смерти и разрушения» [17, с. 396].

Счастливой возможностью наблюдать психику автора изнутри мы обязаны нескольким людям, приложившим усилия по сохранению и по-

следующему спасению его архива. У Гейма были напряженные отношения с его набожными родителями. По настоянию своего отца, прокурора Германа Гейма (1850–1920), поэт был вынужден заниматься юриспруденцией, и в дневниках часто встречаются весьма нелестные высказывания в адрес родителя (см., например: [14, т. 3, с. 140]). Тот не одобрял литературных увлечений сына и был, мягко говоря, шокирован бодлиеранским пафосом его стихотворений. Однако издателю первой книги поэта Эрнсту Ровольту (1887–1960) и друзьям Гейма удалось убедить непреклонного прокурора, внушив ему, что сын успел передать им права на его архив (их переписка опубликована: [14, т. 4, с. 476–489]). Лёвенсон утверждал позднее, что Гейм сам назвал имена пятерых друзей, которые «в случае чего» должны были позаботиться о его рукописях [14, т. 4, с. 93]. В архиве издателя Курта Вольфа (1887–1963) сохранилось их обращение, отправленное четыре дня спустя после гибели поэта, с призывом немедленно связаться с семьей Геймов, чтобы спасти эти бумаги [9, с. 12].

Так чемодан с рукописями в середине 1912 г. оказался у Эрвина Лёвенсона (1888–1963), философа и публициста, товарища Гейма по «Новому клубу». Записи снов произвели на него неизгладимое впечатление. Лёвенсон вспоминал годы спустя: «Как только мы после его гибели получили в руки его дневники, обнаружилось, что в одном из снов, где он тонет, провалившись под лед, ему ясно представились обстоятельства его смерти... Дополнением к этому сну звучат и другие записи, одна из них о буйнопомешанном, который приземляется на шаре на зимнее озеро, производит там опустошение и “кажется убивает несколько человек”» [15, с. 78]. В довольно экзальтированном эссе Лёвенсона «Георг Гейм или О духе судьбы», построенном вокруг идеи поэта-избранника, воплощающего сам фатум, собрана целая коллекция подобных «зловещих предсказаний» из дневников Гейма [15, с. 57–58].

Из разрозненных бумаг погибшего поэта друзья собрали два поэтических сборника: «Umbra Vitae» («Тень жизни») и «Небесная трагедия». Вместе с прижизненной книгой «Вечный день» и сборником новелл «Вор» они составили свод текстов, опубликованный под одной обложкой в 1922 г. [13], и долгое время это довольно небрежно подготовленное издание служило неким «каноническим собранием» поэта, несмотря на обилие ошибок и опечаток.

Во времена Третьего Рейха авторы-экспрессионисты, хоть политического, хоть мистического толка, были оптом записаны нацистами в «вырожденцы». Многие из друзей Гейма были евреями, и многие разделили печальную участь своего народа. Однако некоторым удалось избежать неизбежного. Так чемодан с бумагами давно погибшего поэта переместился в 1933 г. в багаже философа-эмигранта Лёвенсона — сперва в Париж, а затем в Палестину.

Когда закончилась Вторая мировая, интерес к подзабытому экспрессионизму вернулся, и новое открытие палестинского архива Гейма было воспринято в Германии как маленькое литературоведческое чудо. Филологи Карл Людвиг Шнайдер (1919–1981) и Гюнтер Мартенс (р. 1934) провели масштабную работу по расшифровке и выправлению текста рукописей поэта, подготовив в 1960–1968 гг. четыре тома собрания «Стихотворения и записи» [14]. Том с дневниками и письмами вышел первым по времени (1960) [14, т. 3], предъявляя читающей публике доселе неизвестные материалы. Это в целом капитальное издание обладало одним важным недостатком. Составители решили вынести комментарии и указатели в отдельный том, однако по разным причинам это дополнение так и не удалось издать. Таким образом, даже для подготовленного читателя неоткомментированные дневники Гейма оказываются неким лабиринтом из нераскрытых намеков, упоминаний, имен и книг. Все это, возможно, и стало причиной того, что эти бесценные материалы до сих пор не представлены полностью ни на одном европейском языке, кроме немецкого.

Миф о Гейме-прорицателе, предугадавшем собственную смерть, оказался живучим. Упомянутая Лёвенсоном запись сна об утоплении от 2 июля 1910 г. [14, т. 3, с. 185] стала частью биографического канона, войдя в монографии и статьи. На выставке в Гамбурге, посвященной столетию со дня рождения поэта, и сопровождающем ее каталоге она использовалась в качестве сопроводительного текста к снимку зимней реки Хафель [10, с. 141; 11, с. 153]. Она же полностью цитируется в недавней беллетризированной биографии поэта, опубликованной Гуннаром Деккером [8, с. 16].

Дневники Гейма с момента их публикации постоянно используются в работах, посвященных текстологическим аспектам его лирики, помогая уточнить и прояснить особенности работы автора над текстом, подобрать «ключи» к особенно темным местам его лирики (см., например, оригиналь-

ную интерпретацию стихотворения «Mortuae» [14, т. 1, с. 340] текстолога Гюнтера Даммана [7, с. 45–47]). Наиболее часто цитируемый отрывок из дневника Гейма от 6 июля 1910 г. посвящен его страстной жажде перемен: «Произойди же хоть что-нибудь! Пусть снова построят баррикады. Я буду первым, кто на них полезет. Я хочу с пулей в груди вдыхать запах вдохновения...» и т. д. [14, т. 3, с. 138]. Он стал не только предметом для литературоведческих штудий, но и пищей для спекуляций о возможных политических воззрениях Гейма, останься он в живых после 1912 г. По понятным причинам, такие трактовки часто встречаются в исследованиях периода Холодной войны, когда дневник только вышел из печати. Так, Питер Вирек писал в 1971 г., что «в нем можно увидеть будущего коммунистического активиста» [18, с. 234].

В отечественной германистике биографические сведения о Гейме были представлены поначалу довольно скудно. Для ранних переводчиков (Савелия Тартаковера, Владимира Нейштадта, Бориса Пастернака) этот поэт был новинкой, необязательной для углубленного изучения, а затем на протяжении многих лет экспрессионизм (за исключением «левых» Эрнста Толлера и Иоганнеса Бехера) был нечастым гостем в советской печати. Первые серьезные публикации времен Перестройки уже содержат отсылки к дневникам, как например, публикация в «Литературной учебе» с предисловием Грейнема Ратгауза [6, с. 186].

Первое отдельное издание лирики Гейма на русском языке, составленное Алексеем Прокопьевым в 1993 г., обошлось без примечаний, в краткой вступительной заметке даны лишь общие черты поэтики Гейма и его биографии [3, с. 3–4]. Вышедшие в начале двухтысячных двумя изданиями переводы Михаила Гаспарова сопровождались довольно добротным комментарием Александра Маркина [2, с. 396–496; 5, с. 408–431] с опорой на биографические наработки предшественников, тем же принципам следовали издания, подготовленные автором этих строк [1; 4], однако «Мои сны» Гейма до сих пор не вошли в российский литературоведческий оборот сколько-нибудь заметно. Одна из целей настоящей публикации — найти для них путь к отечественному читателю и исследователю.

Небольшая команда переводчиков, формирующаяся вокруг интернет-библиотеки «Общество Георга Гейма» (www.georgheym.org), пока не ставит задачей полный перевод дневникового архива поэта, однако пред-

ставленная ниже публикация записей снов позволит хотя бы в небольшой степени заполнить этот пробел. Текст переведен по третьему тому собрания «Стихотворения и записи» [14, т. 3], особенности написания дат и имен нами по возможности сохранены. В передаче лакун и сокращений мы следуем за принципами, принятыми составителями немецкого собрания [14, т. 3, с. 290–294]. В примечаниях автор этих строк попытался главным образом прояснить упоминания персоналий и географических реалий, отчасти предпринята попытка связать записи с биографией и творчеством поэта, хотя, конечно, этот аспект потребует дополнений и поправок в будущем научном издании снов, если таковое состоится.

1907

26. VIII. 07. «Чтобы всегда видеть яркие сны, следует не более, чем записывать некоторые из них», — сказал один мудрец. Прекрасно. Поскольку в этом и состоит моё желание, я последую этому совету.

I.

eodem die¹. Мы совершили несказанное преступление. Лишь глубокий ужас остался в нас, но само преступление было забыто и, как я ни мучился, не мог ничего вспомнить. Мы сидели в камере пыток. Рука подельника была зажата палачом в тисках и сломана. Он равнодушно позволил этому случиться. Палач выглядел устрашающе. Он был одет в современную одежду, на нём был белый медицинский халат и панталоны. Лицо его было совершенно бесстрастным, почти добродушным. И это было в нём самым ужасающим. Затем он связал безвольного пленника, и тот спокойно вышел вон.

Мне и третьему соучастнику должны были выколоть глаз. Я подмигнул ему, призывая бежать со мной, ведь дверь на улицу была распахнута. Но он, не обращая на это внимания, тихо опустил на пол.

Палач подошёл к нему с длинной деревянной катушкой длиной около четырёх сантиметров и острым штопором, прикреплённым к её передней ча-

1 (лат.) «в тот же день»

сти. Он воткнул штопор моему компаньону в глаз и стал его вращать. Затем он вытащил глаз. Через некоторое время кровь вытекла из глазниц, и они стали пустыми. Я сбежал. Когда я бежал по просёлочной дороге, ослеплённый узник появился в дверях. На лице чернели глазницы. Он протирал их платочком. Меня охватил невыразимый ужас, и я бросился куда глаза глядят.

Я проснулся.

II.

14. IX. Вошёл в католическую церковь. Искал Арнольда из Брешиа². Внезапно в дымной комнате, в которой, кстати, не было никакой мебели, я увидел несколько фигур, мужских и женских, которые, казалось, появились из руки <нрзб>³.

Зазвучал клавир, и начался танец. Я выбрал партнёршу и провальсировал с ней по широкой комнате. Внезапно мы оба попали в соседний покой. Отёчный старик вышел нам навстречу, страшнее всего были его опухшие ноги. Он был в рубашке и штанах, которые с него спадали. Он сказал мне: «Где руппинские ринанцы?»⁴

Последующее я забыл.

Помню только, под конец он говорил: «Да, Буссе⁵ тоже бывал там в школе. Только зачем он вместе со своим Платеном и Виландом⁶ распространял еще и отвратительные нравы, этот свой срывающийся голос, этот ход мыслей. Они же могли там научиться ходу мыслей!» ---

В конце он держал в руке газетную страницу, в которой значилось: 10 сентября ----- магистрат переводит школу на Альзен⁷.

2 Персонаж пьесы Гейма «Арнольд из Брешиа» [14.2, с. 417–546], венецианец эпохи Ренессанса.

3 Неразборчивое слово расшифровано текстологами как <Pakszins>.

4 В тексте «Ruppiner Rhinapen». «Руппинские» — возможно искажённое «нойруппинские», из Нойруппина. «Ринанцы» — исковерканное название членов вюрцбургской студенческой корпорации «Ренания», в которой состоял Гейм.

5 Возможно, имеется в виду Карл Герман Буссе (1872–1918), берлинский литератор и поэт кайзеровской эпохи.

6 Август фон Платен (1796–1835) и Кристоф Мартин Виланд (1733–1813), два немецких поэта эпохи Просвещения и романтизма.

7 Остров в Балтийском море, ныне владение Дании.

17. 9. 1907 Я оказался на постоялом дворе во Франции, и только расплатился с хозяином за снятую комнату, как вошёл король в золотых доспехах и в золотом шлеме с плюмажем из павлиньих перьев. У него были светлые волосы и светлая борода.

Я предложил ему свои услуги. Вскоре пришёл английский король в серебряных доспехах. У него были чёрные выходящие волосы. Он был без свиты.

Чтобы английский король не подозревал о моём присутствии, я покинул комнату, когда он вошёл. Потом французский король, его окружение и я собрались за овальным столом в столовой. Помещение было освещено современной подвесной лампой. Во главе стола восседал Папа Римский, он диктовал мне письмо, похожее на письмо, полученное мной вчера от Пирсона⁸, требующее снятия запрета. После этого все вышли из помещения. Только я и страшный старик-нищий остались. Между нами завязалась драка. Он вытащил маленький нож, похожий на миниатюрный серп, и ударил им меня. Лезвие скользнуло по груди. Я достал свой охотничий нож и ударил его. Истекая кровью и проклятиями, он рухнул у двери в комнаты английского короля и умер.

Сон был ещё грандиозней, но я уже смутно его помню. Я записал только то, что сохранилось в памяти.

4. X. Видел сон, сильно меня расстроивший. Глимм⁹ увёл у меня Гертруду С...¹⁰ В то время, когда я искал Г. С., он сидел с ней с девяти или с половины десятого на озере. Когда я проснулся, мне казалось, что это правда, настолько правдоподобно было то, что я увидел.

5. X. Приснилось, что у меня сифилис.

9. 10. 1907 Ребёнок играет вечером с другим, полустариком-полуребёнком. Я спросил его «Кто ты»? «Я — бессмертное зло» был мне ответ.

⁸ Ближе неизвестен.

⁹ Вернер Глимм (даты жизни неизвестны), одноклассник и друг Гейма времени учёбы в Нойруппине. В дневниках 1905–1906 гг. неоднократно упоминается как его соперник в любовных похождениях (см., например: [14.3, с. 42]).

¹⁰ Возлюбленная Гейма. Полные имена некоторых персон, еще остававшихся в живых на момент издания дневников, из этических соображений были заменены издателями собрания сочинений на отточия [14.3, с. 290].

1908

2. II. 08. Приснилось, что я гуляю с прекрасной девушкой по тенистой набережной. Я был очень счастлив долгое время после пробуждения.

30. III. В большом сияющем зале Наполеон сражался в решающем бою¹¹. После долгой битвы он был побеждён, но ему пообещали, что дадут свободно отступить.

Он выехал на коне с супругой из зала. Выглядел он красивым, высоким и статным.

Голову его украшали чёрные кудри, одет он был в зелёный сюртук поверх белого жилета. Супруга его была одета по сегодняшней моде. Он посадил жену в седло и сказал: «Лошади могут выдвигаться». За ним из зала выехала пара, похожая на него и императрицу. Они возвышались над всем окружением. Когда они миновали двери, до них из-за стола донеслись сердитые слова от четверых роялистских дворян, только одержавших победу, адресованные наполеоновским гвардейцам: «Подождите, подождите...».

13. 4. 1908. Мне подарили браслет из прямоугольных пластин, сделанных из рубиново-красного стекла, покрытого тонким слоем золота, которые сверкали кроваво-красным.

24. IV. Снилось большая битва. Мы проигрывали. В конце мы сражались на утёсе, возвышавшемся над пустыней.

28. IV. Змеи, плавающие в воде. И множество тигров с вытянутыми шеями.

5. 9. Хочу продолжать записывать свои сны:

Был банкет. Наполеон, ещё никому неизвестный, внезапно заявил о том, что оккупирует Египет.

Он отправляет своего друга Дамье в Рим. В честь него потом назвали Думьят¹².

¹¹ Этот и последующие сны отражают увлечение Гейма историей французской революции.

¹² Порт в Египте, на самом деле название никак не связано с вымышленным «другом Наполеона» Дамье.

Затем я нечаянно оскорбил Наполеона. Не помню, чем. Началась дуэль в плотном кругу свидетелей.

Наполеон (в облачении тулонского лейтенанта¹³) вытаскивает саблю, у меня есть только шпага.

Первый тур: я хочу пронзить его, но получаю трижды по тыльной стороне ладони.

Проснувшись, обнаружил мелкую царапину на руке.

12. 9. Мне приснилось, что я вырыл из земли череп.

Я был во дворе. Смотрел на прекрасный пейзаж вокруг. Ко мне подлетел орёл. Его крылья кончались когтями. Он порезал мне запястье. А затем полетел в Данию.

1909

10. III. Сейчас, когда я крепко сплю, мне чаще снятся сны.

Был канун битвы: мы с товарищем облачены в форму французских кирасиров. Чёрные шнурованные мундиры с золотыми эполетами, шлемы с плюмажем из конского волоса. Генерал подал мне жест. Он пощупал кирасу у меня на груди и сказал: «Подтяните, а то можете пропустить удар».

Мы попрощались. Завиднелись флаги. Офицер отправил своего денщика размахивать шлемом и бежать за флагами.

Затем мы поехали вдвоём вперёд, и я почувствовал, как колотится моё сердце.

11. III. 1909 Целую ночь я был вместе с Хеди¹⁴.

31. III. Я был личным рабом Нерона. Тайным христианином. У меня был знакомый, схожих со мной взглядов.

Нерон сидел с двумя друзьями за маленьким столиком. Мы решили отомстить за наших сожжённых братьев, взяли ветку, я зажёл её и бросил в ложе. Разгорелось пламя, были слышны крики Нерона «я горю, я горю».

13 Имеется в виду звездный час молодого Наполеона в битве при Тулоне (1793), на тот момент бывшего в чине капитана.

14 Возлюбленная Гейма. Полное имя неизвестно.

Затем мы сбежали по лестнице. Я сказал своему союзнику: «я не хочу бежать в город», тут мы разминулись. Я оказался в поезде и удивился, что на озере лёд.

[Примечание Гейма] Недавно прочитал новеллу Вильденбруха¹⁵.

19. 6. Выхожу из комнаты в сумасшедшем одеянии, преследуемый страшным призраком. Я пытаюсь закрыть дверь перед ним из последних сил.

6. 7. Мы встали лагерем у железной дороги в России¹⁶, посреди безбрежной равнины, под тусклым небом. Через некоторое время здесь должен был пройти царский поезд.

Одна женщина села на рельсы и пыталась положить на них стальной блок. Один из нас встал, долго смотрел на него, потом убрал с дороги. Через некоторое время он взял блок и положил его обратно на рельсы. Женщина села рядом.

Вдруг кто-то вскочил и бросился на рельсы с отчаянным лицом. Я хотел стащить его, но он боролся. Наконец мне удалось это сделать. Мы услышали вдалеке приближающийся поезд. Моё сердце заколотилось от нахлынувшей радости.

1910

7 мая 1910 года. Давно ничего не записывал. То сны были слишком неясными, то ленился, то забывал их в секунду пробуждения, и кровотоком вымывало из головы легкие картины.

Сегодня мне снился сон, который был прост и краток. А. М. написала мне письмо о торжестве моего таланта¹⁷. Она удивлялась моей внезапно

15 Эрнст фон Вильденбрух (1845–1909), немецкий писатель и дипломат. Скорее всего, имеется в виду новелла-легенда Вильденбруха «Сад Клавдии» (1896), посвященная обстоятельствам пожара Рима и дальнейшего преследования христиан. Действие новеллы происходит во дворце Нерона, юная римлянка Клавдия и ее подруги становятся жертвами ложного обвинения в поджоге.

16 Известно, что Гейм с интересом следил за событиями русской революции 1905–1907 гг. и даже посвятил этой теме несколько незаконченных прозаических набросков (см., например, набросок новеллы «Багров» об убийце П. Столыпина: [14.2, с. 151]).

17 Запись относится ко времени вступления Гейма в берлинский «Новый Клуб», где его стихи приняли восторженно.

распространившейся славе. Прочитав письмо, я немедленно встал и вышел на улицу; она была там, и мы бросились друг другу в объятия. Волна счастья накрыла меня, как буря. Проснувшись, долго не мог различить сон и явь.

Продолжаю записывать то, что мне снится.

Примерно 10. 6. 10. Воскресным утром я отправился в Тиргартен¹⁸. Внезапно очутился в районе, где никогда не был прежде. Через заросшие каналы было перекинуто множество старинных мостов, многие деревья уже позеленели; всё было неподвижно. На одном из каналов был небольшой островок. Я хотел добраться до него, но уже оказался на нём, прежде чем осознал, как до него следует добраться. Пейзаж был прежним. У меня была удочка. Я закинул её. Через несколько мгновений я вырвал большую щуку из воды, но она выскользнула и упала обратно в воду. Вновь закинул удочку и вытащил из воды красивую маленькую рыбку. Когда я положил рыбу на землю, вода начала убывать. Я оказался посреди грязи. Рядом с собой я заметил ящик (возможно, лодку), тогда я вложил туда рыбу и толкнул лодку к земле.

Я не понял мотивов. Что это было?

Сейчас июль, но я не понимаю этого и сейчас.

2 июля. Я стоял у огромного озера, покрытого чем-то вроде каменных плит. Мне показалось, что вода замёрзла. Местами было похоже на молочную пенку. Мимо проходили какие-то люди с коромыслами и корзинами, должно быть идущие на рынок. Я сделал несколько шагов, и плиты меня удержали. Я чувствовал, что они очень тонкие, под моими шагами они покачивались, то поднимаясь, то опускаясь. Уже шёл какое-то время, когда мне встретилась женщина, которая сказала, что я должен вернуться, что плиты скоро станут хрупкими. Но я продолжил путь. Внезапно плиты подо мной исчезли, но я не провалился. Некоторое время я продолжал двигаться прямо по воде. И тут мне пришло в голову, что я могу провалиться. В этот момент я стал погружаться в зелёную, грязную, илистую воду. Но я не сдался и поплыл. Желанная, далёкая земля была всё ближе и ближе. Спусти несколько гребков, я приплыл к песчаному солнечному пляжу.

18 Район в центре Берлина.

8. 8. 10 (1)¹⁹. Этой ночью мне приснился целый роман. К сожалению, у меня нет времени всё записать. Только эскизно: бывшая крестьянка, т. е. уже городская, влюблена в учителя, храброго человека.

1-я картина: Они проходят по широкому полю. Кругом распаханно. Вечернее настроение. Он еле сдерживается, чтобы не признаться ей в любви.

2-я картина: Дорога. Вокруг девушки много людей. С ней её возлюбленный, кто-то вроде дворянина. Учитель на заднем плане. Отец возлюбленной ругается со старой крестьянкой. Слева их сын. Спор между ним и маленьким человеком в чёрном пальто и в чёрной круглой шляпе. У человека железная палка в руке, примерно метровой длины.

Картинка размывается

Я знаю только, что дворянин будет убит.

3-я картина: Длинная процессия на дороге на фоне вечернего неба. Женские юбки развеваются на ветру. Белое платье девушки ослепительно сияет. Мужчина, очевидно из простолюдинов.

4-я картина: Улица, похожая на главную улицу Нойруппина²⁰. Толпа народа идёт во всю её ширину. Учитель тащит мужчину (убийцу его соперника), девушка беззаботно бродит в толпе, смуглая, спокойная и уверенная.

Человек входит в тюрьму, белое здание, вероятно, в Китцинге²¹. Входят судебные приставы. Открываются большие ворота, виден широкий двор, обсаженный деревьями.

Картинка вновь размывается.

Девушка отдалённо напоминала Анну Идимеру²², или даже скорее нашу бывшую Сташу²³.

Примерно 8. 8. 10. Сон о медведе

Йена²⁴. Узкая улочка. Мост через канаву. Я встретил знакомого студента, который переходит мост, беседуя с большим бурым медведем. Мед-

19 Ниже даты записи оставлен комментарий: «этот сон был вполне разумен, никакой путаницы».

20 Нойруппин — город в Бранденбурге, где Гейм учился в гимназии.

21 Китцинг — город в Баварии.

22 Известное лицо.

23 Возможно, кто-то из прислуги семьи Геймов.

24 С мая по август 1910 г. Гейм был студентом Йенского университета.

ведь опирается на зонтик. Я наблюдаю за парой и вижу, что медведь раскладывается с собеседником. Он подходит ко мне. Мы идём по мосту.

Он кладёт правую лапу мне на плечо и ведёт меня. Открытая пасть раскачивается над моей головой. Я взволнован, но не подаю вида. Медведь расспрашивает меня о моих знакомых. Я говорю, что помимо прочих, я знаю Х. Йоста из Нассовии²⁵. Он хороший человек и мой давний друг.

Мы берём деньги. И едем в Монте-Карло.

20. 8. 10. Сон о чуме²⁶.

Заброшенная пригородная улочка, неплотно застроенная. Дорога идёт под уклон, за ним огороженный участок, на котором спят зачумлённые.

Дальше лежит поле, а за ним — зелёный лес. Над всем — ясное голубое весеннее небо.

На улицу выезжает тарантас с больными. В нём всё кишит их конечностями. Обречённые лица выделяются из скомканной массы тел. Двое мужчин сопровождают повозку, держа пропитанные бензином тряпки у носа. Они проплывают мимо меня. Выдвигается широкая боковая доска, видны чумные бубоны, похожие на пятна от чада, они лопаются и текут гноем. Тела вываливаются наружу. Больных ведут вниз по склону. Они падают, бредят, поют, танцуют; ужасная вонь исходит от их рваных одежд. Они устремляются в загон, чтобы умереть без погребения в этом страшном углу. Тарантас разязвил пасть, будто бы в поисках новых жертв. Человек с промоченной тряпкой у лица осматривается вокруг. Он замечает прохожего и арестовывает его. Последний изо всех сил борется. Но вскоре он уже связан и заперт в загоне.

Я смотрю вниз и вижу толчею людских тел, глаза горят, как каверны, и руки их вскинуты вверх. Безумный гвалт. Больные понимают, что их мортят голодом.

Над лесом синее небо заполнилось маленькими белыми облачками.

[Примечание Гейма] Прочитал статью о распространении эпидемий посредством железных дорог.

25 В рукописи здесь пририсована эмблема студенческой корпорации Нассовия. Упомянутый Геймом Х. Йост ближе неизвестен.

26 Известно знакомство Гейма с картиной Арнольда Бёклина «Чума» (1898). Мифологизированные образы мора, болезней и поветрия встречаются во многих стихотворениях Гейма. См.: «Чумной госпиталь» [14.1, с. 166], «Больница» [14.1, с. 181] и др.

Сон 22. X.

Из окна видно, как над городским озером висит ночное облако. Оно превращается в пятерых громадных золотистых голых титанов с растрёпанными шевелюрами. Они стоят, и лесистый ландшафт за ними будто бы освещён их огромными телами. Я был взбудоражен и крикнул: «Мама, иди сюда! Взгляни на облака!»! Затем свет погас, и титаны, кажется, спустились на Куно-Фишер-Штрассе²⁷ и внезапно стали обычными маленькими людьми — я всё ещё вижу, как один из них закатывает рукав. Затем они все разбегаются в разные стороны.

II. Сон 22. X.

О Лионардо²⁸: наконец, у него осталось всего два ученика. Когда он умер, они построили ему большой четырёхугольный дом в два этажа (что-то вроде нашего здания суда). На особой полосе на нём были выбиты важнейшие даты:

1815: 50000 золотых гульденов Tissins²⁹ (видел у Иосифа Флавия³⁰ примечание, где говорилось о τισιν παισιν³¹)

3.) Его предложение: римский сенат должен обсудить покупку 100000 рабов.

(Кстати, весьма разумное предложение)

Сон 20. II. 10.

Зимний лесной пейзаж, заснеженное озеро. Мы долго гуляем с Рудольфом Бальке³² по берегу. Вдруг у меня возникает странное чувство. Я вижу воздушный шар, быстро летящий над лесополосой. Над гондолой в верёвках висит человек в коричневой куртке, без воротника и шляпы.

27 Улица в Берлине.

28 В оригинале имя передано как «Lionardo». Сон отражает увлечение Гейма романом Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)».

29 Возможно, исковерканное греческое «τισιν», «каким-то».

30 Иосиф Флавий — еврейский историк и военачальник I в. н. э.

31 (гр.) «каких-то слугах».

32 Рудольф Бальке (1888–1978). С братьями Бальке, Эрстном и Рудольфом, Гейм познакомился в 1904 г. Эрнст стал его лучшим другом, позднее они вместе погибли, провалившись под лед на реке Хафель в 1912 г. Рудольф Бальке принимал участие в поисках тел погибших, оставил воспоминания о Гейме. Впоследствии сделал военную карьеру, дослужившись до чина генерал-интенданта Вермахта.

Растрёпанные чёрные волосы, чёрная борода, крупные сумасшедшие глаза. Он вдвое больше шара, опасно прыгает на нём, танцует на канатах.

Шар приземляется. Человек спрыгивает с него. Бежит, как сумасшедший, вдоль озера. Кажется, он убивает несколько человек, ибо я слышу крики. Рудольф бежит в ту сторону. Я поднимаю палку и следую за ним. Когда я догоняю их, пейзаж меняется. Лето, цветущие кусты. Мальчик стоит в траве и показывает нам раны, которые он получил от безумца. Мы видим на горизонте слева широкую сельскую улицу, где безумец уже носится между домами.

Этот сон как-то особенно чудовищно меня напугал.

1911

15. 9. 11.

Здравый смысл говорит нам, что все вещи на земле имеют мало общего с реальностью, и что настоящая реальность есть только во снах. Бодлер.

Сегодня у меня был вот такой сон невероятной осязаемости и реалистичности:

СОН

Я прогуливаюсь по улице, застроенной виллами, где ранее я не бывал; знаю только, что я на юге. Меня встречает юная девушка с матерью, я беседую с ними. Мы говорим о лете. Она показывает мне карту. Я спрашиваю её: «О, вы там были»? Она отвечает: «Купалась». Я: «Где»? Она: «Под открытым небом». Я смотрю на карту туда, куда она указывает. Затем мы идём через двор к её дому. Мы уже хотим распрощаться, но я спрашиваю её кто она, она отвечает, что она журналист. Я спрашиваю: «Вас никогда не оставляют одну?» Мать отвечает с улыбкой: «Нужно же держать дочерей под контролем». Дочь поднимается по лестнице. Я спрашиваю её мать, могу ли я навестить её. Она говорит: «Да, но вы ведь даже не знаете наших имён». Я уже прочитал табличку рядом с дверью (но каким-то образом внутри квартиры) с именем «Эйк». Затем она простилась и прошла наверх. Я стою у стены дома на углу. Вижу, как из окна первого этажа кормилица протягивает ко мне маленького мальчика. Я удивляюсь тому, какие у неё длинные руки, а она говорит: «Хотите его взять»? Я беру его и вывожу на прогулку.

Двое мужчин в купальных костюмах выходят вместе с парой детей. Я говорю своему маленькому спутнику: «Ты уже умеешь делать огромные волны»? Стоило мне это сказать, как один из мужчин протягивает руку, а другой делает над ней волну.

Затем оба они идут в беседку перед домом. Мы с детьми хотим на них напасть. Это такая игра.

Мы сражаемся в беседке (похожей на маленький домик) шестами от изгороди. На комодѣ стоит стеклянная ваза с искусственными цветами. Палка задевает её, она падает на землю и разбивается.

Когда я проснулся, я был ещё весел и подумал: «Нам было так хорошо». Затем пришло сознание и боль.

(Каждый раз, как я просыпаюсь, мне страшнее всего думать о Лени³³).

16. 10. 11.

Сон: неоглядный лес, посреди — высокая башня, бесконечно высокая. Я восхожу на неё с девушкой. Вокруг — беспредельные горизонты.

Сон: возвращаемся из похода в большой армии. Прошли через колонию Грюневальд³⁴. Сидим на мосту. На маленькой тележке. Я сижу на дышле. Ещё трое или четверо товарищей сидят сзади в живописных костюмах. На мне зелёная фуражка. Я зажал дышло ногами и мы движемся по Курфюрстендам³⁵, крича дикие слова проходим, как аборигены.

Далее: кайзер в Галле³⁶. Он лежит в больничной койке. У него заворот кишок. Никого нет в комнате, кроме него. Кайзер пережил операцию, «и в его кишечник вставили деревянное полено».

10. 11. 1911 Сон 2 ночи назад: я в столовой. Прибегает огромная тысяченожка, обращает на меня внимание и начинает преследовать. Я убегаю в свою комнату и захлопываю дверь, но она уже внутри комнаты. И тут я просыпаюсь.

33 Лени — одна из возлюбленных Гейма.

34 Колония Грюневальд — фешенебельное предместье Берлина.

35 Курфюрстендам — одна из центральных улиц Берлина.

36 Галле — город в Саксонии.

14. 12. 11. Сон: Крылатый бык. — Орёл.

Сломанные шейные позвонки. Стадо быков — орёл нападает на них. Быки летят над водой. Орёл летит над ними. Быки хотят пригласить орла: один бык-дама, похожий на пастора, и бык-господин хотят, чтобы орёл был между ними. Но бык-господин допускает глупость. Орёл отпрянул. Поднялся вверх. Дама-бык в золотистых очках смеётся.

Список литературы

- 1 Гейм Г. Вечный день. Der ewige Tag / сост. и пер. А. Чёрного; с парал. текстом на нем. яз. СПб.: Свое изд-во, 2013. 160 с.
- 2 Гейм Г. Вечный день. Umbra vitae. Небесная трагедия / изд. подгот. М. Гаспаров, А. Маркин, Н. Павлова. М.: Наука, 2003. 527 с.
- 3 Гейм Г. Избранные стихотворения / сост. и предисл. А. Прокопьева. М.: Carte Blanche, 1993. 72 с.
- 4 Гейм Г. Морские города. Избранная лирика / сост., пер. и вступ. ст. А. Чёрного. М.: Водолей, 2011. 208 с.
- 5 Гейм Г. Небесная трагедия / пер. М. Гаспарова, сост. и прим. А. Маркина, вступ. ст. Н. Павловой. СПб.: Азбука-Классика, 2005. 448 с.
- 6 Ратгауз Г. Предвестник будущего // Литературная учеба. 1990. № 5. С. 186–192.
- 7 Dammann G. Untersuchungen Zur Arbeitsweise Georg Heyms An Seinen Handschriften // Orbis Litterarum. Volume 26. Issue 1. January 1971. S. 42–67.
- 8 Decker G. Georg Heym. "Ich, ein zerrissenes Meer". Ein biographischer Essay. Berlin: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2011. 171 S.
- 9 Die Schriften des Neuen Clubs. 1908–1914. 2 Bde / Hrsg. von Richard Sheppard. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1980–1983.
- 10 Georg Heym. Der Städte Schultern knacken. Bilder, Texte, Dokumente / Zusammenge stellt von Nina Schneider. Zürich: Arche, 1987. 172 S.
- 11 Georg Heym. 1887–1912. Eine Ausstellung der Staats- und Universitätsbibliothek Carl von Ossietzky Hamburg / Hrsg. von Nina Schneider. Berlin, Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz. Wiesbaden: Reichert, 1988. 207 S.
- 12 Heym G. Das lyrische Werk. Sämtliche Gedichte 1910–1912 mit einer Auswahl der frühen Gedichte 1899–1909 / Hrsg. von Karl Ludwig Schneider. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977. 665 S.
- 13 Heym G. Dichtungen / Hrsg. von Kurt Pinthus und Erwin Loewenson. München: Kurt Wolff Verlag, 1922. 307 S.
- 14 Heym G. Dichtungen und Schriften. Gesamtausgabe. 4 Bde. / Hrsg. von Karl Ludwig Schneider. Hamburg und München: Ellermann, 1960–1968.

- 15 Loewenson E. Georg Heym oder Vom Geist des Schicksals. Hamburg und München: Ellermann, 1962. 159 S.
- 16 Mahlendorf U. Georg Heym's Development as a Dramatist and Poet // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 63. No. 1 (Jan., 1964). P. 58–71.
- 17 Nebrig A. Die Gesichte Georg Heyms (1887–1912). Zu seiner Bildlichkeit nach hundert Jahren // Zeitschrift für Germanistik. Neue Folge. 2012. Vol. 22. No. 2. P. 393–399.
- 18 Viereck P. Ogling through Ice. The Sullen Lyricism of Georg Heym // Books Abroad. Vol. 45. No. 2 (Spring, 1971). P. 232–239.

References

- 1 Heym G. *Vechnyj Den* [The eternal day], transl. and ed. by A. Chorny. St. Petersburg, Svojo Izdatelstvo Publ., 2013. 160 p. (In Russ.)
- 2 Heym G. *Vechnyj Den. Umbra vitae. Nebesnaja Tragedija* [The eternal day. Umbra vitae. Heavenly tragedy], ed. by M. Gasparov, A. Markin, N. Pavlova. Moscow, Nauka Publ., 2003. 527 p. (In Russ.)
- 3 Heym G. *Izbrannye stihotvorenija* [Selected poems], ed. by A. Prokopjev. Moscow, Carte Blanche Publ., 1993. 72 p. (In Russ.)
- 4 Heym G. *Morskije goroda* [Seaside cities], transl. and ed. by A. Chorny. Moscow, Vodolej Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)
- 5 Heym G. *Nebesnaja Tragedija* [Heavenly tragedy], ed. by M. Gasparov, A. Markin, N. Pavlova. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)
- 6 Ratgauz G. Predvestnik budushchego [The Prophet of the future]. *Literaturnaja Ucheba*, 1990, no 5, pp. 186–192. (In Russ.)
- 7 Dammann G. Untersuchungen Zur Arbeitsweise Georg Heyms An Seinen Handschriften. *Orbis Litterarum*, vol. 26, issue 1, january 1971, pp. 42–67. (In German)
- 8 Decker G. Georg Heym. "Ich, ein zerrissenes Meer". *Ein biographischer Essay*. Berlin, Verlag für Berlin-Brandenburg, 2011. 171 S. (In German)
- 9 *Die Schriften des Neuen Clubs. 1908–1914. 2 Bde*, Hrsg. von Richard Sheppard. Hildesheim, Gerstenberg Verlag, 1980–1983. (In German)
- 10 Georg Heym. *Der Städte Schultern knacken. Bilder, Texte, Dokumente*, Zusammenestellt von Nina Schneider. Zürich, Arche, 1987. 172 S. (In German)
- 11 Georg Heym. 1887–1912. *Eine Ausstellung der Staats- und Universitätsbibliothek Carl von Ossietzky Hamburg*, Hrsg. von Nina Schneider. Berlin, Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz, Wiesbaden, Reichert, 1988. 207 S. (In German)
- 12 Heym G. *Das lyrische Werk. Sämtliche Gedichte 1910–1912 mit einer Auswahl der frühen Gedichte 1899–1909*, Hrsg. von Karl Ludwig Schneider. München, Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977. 665 S. (In German)
- 13 Heym G. *Dichtungen*, Hrsg. von Kurt Pinthus und Erwin Loewenson. München, Kurt Wolff Verlag, 1922. 307 S. (In German)
- 14 Heym G. *Dichtungen und Schriften. Gesamtausgabe. 4 Bde*, Hrsg. von Karl Ludwig

- Schneider. Hamburg und München, Ellermann, 1960–1968. (In German)
- 15 Loewenson E. *Georg Heym oder Vom Geist des Schicksals*. Hamburg und München, Ellermann, 1962. 159 S. (In German)
- 16 Mahlendorf U. Georg Heym's Development as a Dramatist and Poet. *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 63, no 1 (jan., 1964), pp. 58–71. (In English)
- 17 Nebrig A. Die Gesichte Georg Heyms (1887–1912). Zu seiner Bildlichkeit nach hundert Jahren. *Zeitschrift für Germanistik, Neue Folge*, 2012, vol. 22, no 2, pp. 393–399. (In German)
- 18 Viereck P. Ogling through Ice. The Sullen Lyricism of Georg Heym. *Books Abroad*, vol. 45, no 2 (spring, 1971), pp. 232–239. (In English)